

Е. А. Галинская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
eagalinsk@mail.ru

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В ЯЗЫКЕ НОВГОРОДСКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ КОНЦА XVI ВЕКА

В статье описываются случаи морфологической и синтаксической вариативности, отраженные в «Записной книге старых и новых крепостей по Новгороду, явленных дьяку Дмитрию Алябьеву» 1597–1598 гг. (РГАДА, ф. 1144, оп. 1, № 1 и № 4). При этом рассматриваются только те явления, которые находились за пределами нормы делового языка. «Записная книга» свободно отражает фонетические черты новгородского диалекта конца XVI в., так что написаниям, за которыми усматриваются грамматические особенности, тоже можно доверять. Случаи вариативности таковы. **1.** В творительном падеже единственного числа женского рода сосуществовали окончания *-ою/-ею* и *-ој/-еј*, хотя при значительном перевесе в сторону *-ою/-ею*. **2.** В местном падеже числительного *трие* исконная форма *трехъ* варьировалась с формой, пришедшей из родительного падежа, — *треи*. **3.** Конструкция «*два / три / четыре / полтора* и др. + форма на *-ы/-и*» сосуществовала с конструкцией «*два / три / четыре / полтора* и др. + форма на *-а*» при явном преобладании первой. **4.** Наблюдалась вариативность древнего типа родо-числового синтаксического оформления количественных конструкций (сочетания числительного в именительном / винительном падежах с существительным присоединяли к себе согласуемые слова в форме женского рода) и изредка появляющегося нового типа (согласуемые слова стояли во множественном числе). **5.** В дательном и местном падежах женского рода единственного числа притяжательных прилагательных параллельно употреблялись именные и местоименные окончания. **6.** В притяжательных конструкциях присутствовала вариативность форм *князя, князь, княжиш, княжь, княже* и *князе*. **7.** Сосуществовали конструкции с координируемым и некоординируемым причастием при форме именительного падежа существительных. Таким образом, в целом ряде звеньев грамматической системы новгородского диалекта конца XVI в. шли процессы перехода от одного состояния к другому, что и обусловило наличие вариантных форм и конструкций.

Ключевые слова: новгородский диалект конца XVI века, историческая морфология, исторический синтаксис, грамматическая вариативность.

Исследование А. А. Зализняком новгородских берестяных грамот показывает, что, при всей морфологической специфике древненовгородского диалекта, во многих точках грамматической системы уже в ранний период, когда древненовгородский диалект еще не испытывал влияния говоров центра, существовала некоторая вариативность окончаний.

Например, формы И. и В. пп. мн.ч. твердого варианта **ā*-склонения имели окончания *-ѣ* и *-ы*, хотя и при преобладании окончания *-ѣ*, например: а) **кѣлѣ** № 247 (сер. XI в.), **[г]вѣздѣ великѣ** Ст. Р. № 8 (перв. пол. XII в.), **коупѣ** № 164 (кон. XI — перв. четв. XII в.), **подъшьвѣ** № 438 (кон. XII — нач. XIII в.); б) **коуплены** № 439 (кон. XII — нач. XIII в.), **роуки** № 9 (сер. XII в.).

Есть отдельные указания на то, что в И. и В. пп. дв.ч. мягкого варианта **ā*-склонения наряду с окончанием *-и* было и окончание *-ѣ*, например: а) **дѣвѣ дѣжѣ** (мера количества зерна) № 863 (втор. четв. XII в.), б) **ѣ гривни <...> мое** (с графическим эффектом *ѣ* → *е*) № 483 (втор. пол. XIII в.).

Такая же вариативность наблюдалась в форме И.п. мн.ч. муж. р. **ō*-склонения — например: а) **въкоупникѣ** № 821 (сер. XII в.); б) **смьрьди** № 247 (XI в.) и в форме М.п. ед.ч. муж. р. мягкого варианта **ō*-склонения, например: а) **на конѣ** № 78 (вт. пол. XII в.); б) **на т[ѣ]хони кони** № 926 (перв. пол. XIII в.) [Зализняк 2004: 98–99, 108–109].

Вариативность в ненормированном диалектном языке вообще встречается не так уж редко, в чем мы можем убедиться, обратившись к современным русским говорам. Так, в пределах южнорусского наречия и среднерусских говоров есть целый ряд ареалов, где сосуществуют формы с окончаниями *-а* и *-ы* в И.п. мн.ч. существительных среднего рода с основой на парный твердый согласный типа *сѣлы*, *о́кны*, *вѣдры* и *сѣла*, *о́кна*, *вѣдра* [ДАРЯ II, карта 33], а на востоке великорусской территории (и на севере, и на юге) имеются говоры, где сосуществуют формы типа *в гóроде* и *в городѹ* [ДАРЯ II, карта 22].

При работе с деловыми текстами XVI–XVII вв. следует обращать внимание на явления, находившиеся за пределами нормы делового языка, в которую входили, например, окончания **ō*-склонения во множественном числе, формы прилагательных Р.п. ед.ч. жен. р. на *-ые*. Тогда, выявив вариативность, можно проследить процесс видоизменения и становления тех или иных элементов грамматической системы.

Материалом для настоящего исследования послужили две рукописи новгородского происхождения, хранящиеся в РГАДА (ф. 1144 «Новгородская приказная палата», оп. 1, № 1 и № 4). Название книги № 1 в описи архива — «Книга записная кабалам на холопей», а название книги № 4 там же — «Книга кабальная записей на разных лиц». На сайте РГАДА обе они имеют одинаковое название «Записная книга старых и новых крепостей по Новгороду, явленных дьяку Дмитрию Алябьеву» 1597–1598 гг., но по сути представляют собой один документ, учтенный в РГАДА в виде двух самостоятельно существующих единиц хранения, которые были оформлены по отдельным переплетам еще в конце XIX в., когда они пребывали в Московском архиве Министерства юстиции. Записные книги старых

и новых крепостей велись в Новгороде с 1 декабря 1597 г. по 31 января 1598 г. Они представляют собой изложение полных, докладных и кабальных грамот, оформлявших права на владение холопами в XVI в. (в основном в последней его четверти) и в некоторых весьма редких случаях в начале XVI в. и последней трети XV в. Важно заметить, что мы имеем дело в основном с пересказами указанных документов, а не со списками с них, хотя небольшие фрагменты списков иногда присутствуют. Дело в том, что обычно пересказы, в отличие от списков, которые копируют более ранние оригиналы, отражают языковую ситуацию периода, когда они создаются (ср. анализ типов падежного синкретизма, отраженного списками и пересказами XVII в. псковских грамот XIV–XV вв. [Алпатова 2005: 89–92]). Книга №4 состоит из 230 лл., на каждом из которых стоит скрепа дьяка Дмитрия Алябьева, служившего в Великом Новгороде с марта 1594 г. по май 1602 г., см. [Веселовский 1975: 21]. Книга №1, состоящая из 201 лл., имеет скрепу Дмитрия Алябьева на лл. 1–141, которые и были изучены для настоящего исследования. Далее приплетена челобитная грамота 1596 г. (л. 142); оставшиеся листы написаны в XVII в., поскольку лл. 143–167 скреплены подписью дьяка Федора Опраксина (Апраксина), служившего в Великом Новгороде с 21 марта 1624 г. по 1625/26 г. [Там же: 28], а лл. 168–201 имеют скрепу Ивана Зиновьева, о котором известно, что он был дьяком в Великом Новгороде в 1660 г. [Там же: 195].

Лл. 1–141 книги №1 (далее — **К1**) написаны шестью почерками:

1-й почерк: лл. 1–8 об.; **2-й** почерк: лл. 9–75 об.; **3-й** почерк: лл. 76–77, часть л. 85 об., сер. л. 90 об. — 92 об.; **4-й** почерк: лл. 77 об. — 90 об. до сер. л., 93–93 об.; **5-й** почерк: лл. 94–125 об.; **6-й** почерк: 126–141 об.

Книга №4 (далее — **К4**) написана пятью почерками:

1-й почерк: лл. 1–32 об.; **2-й** почерк: лл. 33–104 об.; **3-й** почерк: лл. 105–136 об.; **4-й** почерк: лл. 137–222 об.; **5-й** почерк: лл. 223–230 об.

Следует заметить, что 1-й и 3-й почерки К4 внешне схожи, графически относятся к одному типу, но анализ орфографических особенностей показывает, что они принадлежат разным писцам. Так, в 1-м почерке 35 замен **ѣ** на **е** в слоге под ударением и 18 случаев замены в этой же позиции **ѣ** на **и**, а в 3-м буква **ѣ** употребляется в основном в соответствии с этимологией, так что отмечены только три замены **ѣ** на **е** и три замены **ѣ** на **и** в ударном слоге при примерно равном количестве листов, занятых каждым из почерков. Показательны также окончания И.-В. пп. мн.ч. прилагательных (в том числе субстантивированных): в 1-м почерке сосуществуют примерно в равном количестве формы с окончаниями *-ые* (например, *двѣ служилые кабалы* К4-12) и *-ья* (например, *две служилья кабалы* К4-10 об.), а в 3-м почерке есть только окончание *-ые* (например, *три служилые кабалы* К4-110)¹.

¹ При приведении примеров из рукописей используется упрощенная орфография: **і** передается как **и**, **ѡ** как **о**, **ѣ** как **э**, **ѧ** и **ѧ** как **я**, **ѣ** как **кс**, **ѣ** как **ф**; титла раскрываются, а восстановленные буквы берутся в круглые скобки. Во всех почерках в большинстве случаев употребления букв **ѣ** и **ѣ** они имеют единый размашистый начерк. В тех случаях, когда твердость или мягкость согласного очевидна, ставятся соответственно буквы **ѣ** и **ѣ**, а там, где твердость или мягкость могут быть связаны с диалектными особенностями, используется нейтральный знак **ѣ**.

При этом 3-й почерк К1 и 5-й почерк К4 принадлежат руке одного и того же писца. Это видно как из анализа начерков, так и из графико-орфографических навыков, представленных в обоих почерках. 3-м почерком К1 написаны пять листов, а 5-м почерком К4 — восемь листов, и в обоих почерках одинаково активно заменяется **ѣ** на **и** в слоге под ударением при отсутствии замен **и** на **ѣ**; используется лигатура «ва», где к «в», пишущемуся в виде треугольника, снизу без отрыва руки приписывается «а» в виде греческой альфы (помимо этого, в 3-м почерке К1 есть аналогично устроенная лигатура «на», а в 5-м почерке К4 — «ца»).

Одному и тому же писцу принадлежат 4-й почерк К1 и 4-й почерк К4. Об этом можно сделать вывод не только по графическому типу письма, но и в результате анализа орфографии и языка обоих отрезков текста. И в том и в другом почерке имеются многочисленные замены **ѣ** на **и**, которым сопутствуют обратные замены **и** на **ѣ**. И там и там мы находим отсутствующее в других почерках обозначение долгого глухого шипящего буквосочетаниями **сш**, **сш**: *пущици*^и К1-79 об., *прикащици* К1-79 об., *восианая* К1-89; *Вересицаги* (Р. ед., имя) К4-138 об., 172, *восианая* К4-142, *исцею* ('истца') К4-195, 203, *Насцоки*^и К4-198, с *плосица*^и К4-172, *отвесишка* (В.п.) К4-195. И, наконец, в этих двух почерках мы находим форму М.п. (и в одном случае Р.п.) слова *оба* с окончанием -ух: в *обию*^х *кабала*^х К1-86 об., в *ои|бѣю*^х *кабала*^х (с опiskой) К1-83 об., в *обию*^х *кабала*^х К4-183, 192, у *полны*^х <...> у *в бию*^х К4-212об.

Итак, обе книги насчитывают девять почерков. Без сомнения, все писцы были новгородцами, так как они отражают фонетические диалектные черты, которые реконструируются по другим деловым текстам новгородского происхождения конца XVI — первой половины XVII в. (см., например, [Галинская 2002: 12–42]). Самая яркая из этих черт — взаимная мена букв **ѣ** и **и** в ударных, а иногда и в безударных слогах. Впрочем, интенсивность замены **ѣ** на **и** у разных писцов разная — у некоторых примеры обнаруживаются в обильном количестве, а у других — редко. Обратная (гиперкорректная) замена **и** на **ѣ** есть не во всех почерках. Ср. некоторые примеры:

	Замена ѣ на и	Замена и на ѣ
К1 , 1-й почерк	<i>крипо^сти</i> 5 об., <i>м^ити</i> 3, <i>Ме^ивидевъ</i> с(<i>ы</i>)нъ 2, <i>диловую запи^с</i> 3 об.	<i>о нѣ^х</i> 1 об., <i>Тѣханко</i> 2, <i>Максѣмко</i> ^и 4 об., <i>Клѣ^ико</i> 7, за <i>Тѣлофиева с(<i>ы</i>)на</i> 6 об.
К1 , 2-й почерк	<i>двѣ</i> 22 об, <i>згорѣла</i> 43 об.	<i>онѣ</i> 27 об., 28, 31, 42 об., 52 об.
К1 , 3-й почерк = К2 , 5-й почерк	<i>бигае^т</i> К1-76, <i>ти крипости</i> К1-92, <i>О^идри^и</i> К1-92 об., <i>соби</i> К4-230, у... <i>Кра^снослипова</i> К4-226 об., <i>намитни-ка</i> (Р.п.) К4-224	
К1 , 4-й почерк = К2 , 4-й почерк	<i>сестри</i> (Д.п.) К1-90, <i>Тимофию</i> К1-82, <i>влади^т</i> К4-191 об., <i>соби</i> К4-212	<i>Денѣско</i> К1-78 об., <i>о^т нѣхъ</i> К1-79, с <i>Оксѣнъницею</i> К1-81, <i>Орѣнку</i> К1-82, <i>Дмѣтрѣ^с</i> с(<i>ы</i>)нъ К1-83, з <i>де^тмѣ</i> К4-147, <i>Дмѣтрѣ^ика</i> (Р.п.) К4-172 об., <i>Домнѣца</i> К4-147 об.
К1 , 5-й почерк	<i>дивку</i> 95 об., с... <i>нимкою</i> 99, у <i>дида</i> 114 об., <i>вели^и</i> 110 об., на <i>и^х дитеи</i> 101 об.	<i>того * днѣ</i> 98 об., в <i>пятѣ ру^блехъ</i> 101 об., <i>бѣти челомъ</i> 108 об., <i>челобѣ^тную</i> 122 об., <i>Фѣли^и</i> 99

К1 , 6-й почерк	<i>Сергиева до^н 129 об., Ма^тфиева до^н 141, во ^нвори 127 об. и др. (часто)</i>	<i>о^т здѣв^нже^ня 130 об., очмѣ 127 об., не ^нлу-жила нѣгдѣ 141</i>
К4 , 1-й почерк	<i>вели^н 1 об., не умие^н 3, дити 10 об., Фади^нкова (Р.п.) 23</i>	
К4 , 2-й почерк	<i>а ничто... б(о)гѣ поиле^н 57</i>	<i>за Оксѣнью 46, Фетѣнница 70 об.</i>
К4 , 3-й почерк	<i>Сергиеву до^н 13 об., Патракиеву до^н 128</i>	<i>онѣ 118, Фетѣника 125, перед ... Черкасѣ^н 117об.</i>

В К1 и К4 свободно отражаются и другие фонетические явления, так что написаниям, за которыми мы усматриваем грамматические особенности новгородского диалекта конца XVI в. и которые находятся за пределами норм делового языка, тоже можно доверять. Перейдем, таким образом, к некоторым разновидностям грамматической вариативности, отраженным в исследованной рукописи.

1. В истории русского языка прошел процесс отпадения конечных безударных гласных фонетического слова. А. А. Зализняк сформулировал правило (с небольшим количеством исключений), которому подчинялся этот процесс: отпадавшему гласному предшествовал одиночный согласный или группа [ст], и такие гласные не составляли отдельного морфа. В ряде случаев процесс носил факультативный характер (подробнее см. [Зализняк 2002: 550–558]). Под действие указанного правила попадала и флексия творительного падежа слов женского рода *-ою/-ею*. В силу специфики содержания записной книги в ней употребляется огромное количество форм творительного падежа, ср.: ... *да Нилова жена з де^тми с Ле^нскою да с Ми^нскою да с Васкою да с Богда^нко^м да з Гру^нскою да Макси^н Григорев с(ы)н^н прозвище Скоко^н с(ы)н^н з женою с Фунею з Дмѣтриевою дочерю да з де^тми с Созо^нко^м прозвище с Певушкою да с Матюшею да с Офроскою да с Нени^нскою* К4-191. При этом подавляющее большинство таких форм имеют окончание с не отпавшим еще гласным, тогда как формы с окончанием *-ои/-еи* (например, *с муже^н с Тимошкoi* К1-81 об., *за дочерю своею за Федо^еи* К1-100 об., *с Васи^нско^н с Фомино^н дочерю* К4-36 об., ^з *женою ево з Дуницoi с полян^нкои* К1-101, *с Олексoi* К4-216 об.) на их фоне крайне малочисленны. Причем есть почерки, в которых вообще всегда употребляются только окончание *-ою/-ею* — К4, 1-й почерк и К4, 3-й почерк. Таким образом, вариативность окончания творительного падежа женского рода, хотя и существовала, но в конце XVI в. очень большой перевес был в сторону флексии *-ою/-ею*, что и не удивительно, поскольку даже в XIX в. формы с этой флексией были вполне употребительны, ср. у Пушкина в «Капитанской дочке»: *Матушка отыскала мой паспорт, хранившийся в ее шкатулке вместе с сорочкою, в которой меня крестили, и вручила его батюшке дрожащею рукою*.

2. В древнерусском языке слово *трие* имело, как известно, парадигму множественного числа **ĩ*-склонения, то есть после прояснения редуцированных формы выглядели так: И.п. *трие/три*, Р.п. *треи (-ej)*, Д.п. *трем*, В.п. *три*, Т.п. *трели*, М.п. *трех*.

Одна из первых инноваций, произошедших в склонении слова *трие*, — это влияние местного падежа на родительный и появление в нем формы *трех*. О. Ф. Жолобов обнаруживает форму *трехъ* в памятниках XIV в. [Жолобов 2006: 243].

Однако во 2-м почерке К1 отмечается результат весьма нестандартного пути развития противоположного типа: здесь в М.п. регулярно употребляется форма *треи*: *кабала... в треи рубле*^x К1-23, 24, 35, 44 об., *кабала... в треⁿ рубле*^x К1-38 об., 50, 54 об. Тут произошла нетривиальная экспансия формы Р.п. на М.п. Насколько мне известно, ранее такая форма М.п. в памятниках русской письменности не отмечалась. Но случаи употребления формы *трехъ* в этом почерке тоже есть: *в тре^x рубле*^x К1-12, 18, 47 об., 49, 56 (2 р.). Для остальных почерков форма *трехъ* — единственная. Склонение числительных не входило в зону нормирования делового языка, поэтому можно думать, что обе формы существовали в новгородском диалекте в широком смысле этого понятия, а варьирование могло быть как между разными говорами новгородского типа, так и в пределах одного говора.

3. В процессе преобразования числительных, который был весьма сложным, происходило и изменение их синтаксической сочетаемости. В частности, в результате утраты категории двойственного числа бывшая форма И.-В. пп. дв. ч. существительных **ѡ*-склонения, имевшая флексию *-а* и находившаяся в сочетаниях со словами *два*, *оба*, стала осознаваться как форма Р.п. ед.ч. Вновь сформировавшаяся сочетаемость распространилась и на два других счетных слова — *трие*, *четыре*, которые исконно согласовывались с существительными, стоявшими в И.-В. пп. (И. *трие/четыре столы*, В. *три/четыре столы*), отчего сейчас в русском литературном языке представлены сочетания не только типа *два дуба*, но и типа *три дуба*, *четыре дуба*. О.Ф. Жолобов пишет, что они утвердились лишь в XVII в., «получив распространение во второй половине XVI в.» [Жолобов 2006: 226], хотя спорадически формы на *-а* проникали в сочетание с числительным *три* и раньше (приводятся три примера из новгородских берестяных грамот XIV в. и четыре примера из книжных текстов XIV–XV вв.) [Там же: 225–226].

В исследуемой новгородской рукописи конца XVI в. перед нами предстает следующая картина.

С числительными *три* и *четыре* в основном сохраняется старая сочетаемость (в тексте представлены формы В.п.): *три рубли* К1-5 об., 76, 133, 134, *три рубли* К1-45, К4-87 об., 139, 140, 141, 146 об., 179 об. и др., *три рубли* К4-85, 85 об., 86, *три сыны* К4-22, *четыре рубли* К1-8, 46 об., об., 129, 132, 133 об., 137, К4-38 об., 84, *четыре улы* К4-207 об.

Но изредка встречаются и новые формы: *три рубли* К1-114, К4-118, *четыре рубли* К2-225.

При этом исконные формы на *-а* при слове *два* единичны: *за два рубли* К1-33, *два рубли* К1-76 об., К4-124 об. Видимо, в новгородском диалекте влияние старой сочетаемости существительных с *два* было не столь сильно, хотя, несомненно, имело место. Более продуктивным оказалось противоположное влияние — конструкция типа *три рубли* воздействовала на сочетание существительного с числительным *два*, отчего многочисленными оказались следующие примеры: *два рубли* К1-10, 20 об., 64, 138 об., *два рубли* К1-77 об., 80 об., 123, 141, К4-22, 61 об., 137 об., 138, 139 об., 141 об., 142, 146, 160 об., 176, 197, 199 об. и др. Мало того, существительные на *-ы/-и* могли вытеснять существительные на *-а* из «половинного» счета,

где исконной была форма Р.п. существительного (*полъ вътора рѹбла*), отчего мы находим: *полтора // рубли* К4-153 об., 200 об.//201, *полтора рѹбли* К4-139, 224, *по^нтора рѹбли* К4-62 об., 66 об., *по^нтре^я рѹбли* К4-140, *по^нчетве^рта рубли* К4-161 об., хотя бывает и *по^нтора рѹбля* К4-128 об., *по^нтре^я рѹбля* К4-119.

В итоге сформировалась вариативность: конструкция «два / три / четыре / полтора и др. + форма на -ы/-и» сосуществовала с конструкцией «два / три / четыре / полтора и др. + форма на -а» при значительном преобладании первой. Большая или меньшая архаичность сочетания числительного с существительным здесь роли не играла: например, в 5-м почерке К4 сочетаются *два рѹбли* 230 и *четыре рѹбля* 225. Впрочем, возможно, были индивидуальные предпочтения в выборе одной из двух конструкций. Так, писец, которому принадлежит 4-й почерк К1 и 4-й почерк К4, использует только конструкцию «два / три / четыре + форма на -ы/-и».

4. Как известно, под влиянием того, что слова *пять* — *девять* были существительными **ї*-склонения женского рода, любые сочетания числительного в И.-В. пп. с существительным присоединяли к себе согласуемые слова в форме женского рода [Зализняк 2004: 168]. Такое согласование представлено и в текстах записной книги (встречены только формы В.п., примеры для сокращения списка приводятся без учета срединных выносных букв): *два рѹбля московскую* К1-76 об., *за два рѹбля московскую* К1-33, *два рубли московскую* К1-64, 80 об., 123, 138 об., *три рубли московскую* К1-5 об., 76, 85, об., 86, 133, 134 об., *три рѹбля ноугородцкую* К1-114, *три рубли ноугородцкую* К4-87 об., *четыре рубли московскую* К1-8, 46 об., 129, 132, 133 об., 137, *четыре рубли дене^г ноугородцкую* К4-84, *пя^т рѹбле^в московскую* К1-127 об., 128 об., 130 об., 135 об., 137, 138, 139 об., *шесть рѹбле^в московскую* К1-45 об., 47, *шесть рѹбле^в дене^г московскую* К1-46, *сем^ь рѹбле^в московскую* К1-126 об., *се^м рѹбле^в московскую* К4-6, *полтора рубли ноугородцкую* К4-62 об.

То же может происходить при опущении слова «один»: *да^н <...> рѹбль ноугоро^нцкую* К1-2 об. Однако чаще в таком случае представлено согласование в мужском роде со словом «рубль»: *рубль ноугоро^нкои* К4-140 об., *рубль ноугоро^нкои* (sic) К4-198 об., *рубль ноугоро^нцкои* К1-104, *рубль наогоро^нцко^н* (sic!) К4-21 об., *взя^н <...> рѹбль моско^вскои* К1-124. Сочетания со словами, обозначающими другие числа, также могут присоединять к себе определения не в женском роде, причем есть два варианта форм множественного числа — более частотный В.п. и более редкий Р.п.: 1) *два рѹбли ноугоро^нкие* К4-142, *по^нтора рѹбля ноугоро^нцкие* К1-128 об., *четыре рѹбли ноугоро^нцкие* К4-38 об., *по^нтора рѹбли ноугоро^нцкие* К4-66 об., *три рѹбли дене^г моско^вски^е* К4-85; 2) *по^нтре^я рѹбля моско^вски^х* К4-119, *два рѹбли ноугоро^нцкихъ* К4-61 об.

Таким образом, в конце XVI в. сосуществовали древний вариант родо-числового синтаксического оформления количественных сочетаний и новый вариант при преобладании первого.

5. В праславянском языке притяжательные прилагательные склонялись по именному склонению, а в древнерусском языке в их парадигмы начали постепенно проникать местоименные формы. Первыми приобрели полные формы Т.п. ед. ч. муж. и ср. р. и косвенные падежи множественного числа, например, *со розбоиниковымъ*

товаромъ Гр. рижан к Витебскому кн. Михаилу Константиновичу ок. 1300 г., **рo-вѣхъ вѣ(вериць)** ‘денег за рабыню’ Новг. бер. гр. №335 (60–70-е гг. XII в.), **с О^а.Ѡ^а.р^алемовими людьми** ‘с Офремовыми людьми’ Новг. бер. гр. №192/191 (нач. XIV в.). Материалы памятников письменности показывают, что становление местоименных форм у притяжательных прилагательных во множественном числе завершилось в XIII в., а в Т.п. ед. ч. муж. и ср. р. — к началу XIV в. [Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006: 166, 173]. Постепенно новые местоименные формы стали проникать и в другие косвенные падежи единственного числа (сейчас их нет только у притяжательных прилагательных с суффиксом *-ов* в Р. и Д. пп. ед. ч. муж. и ср. р.).

Далее будет приведен материал записной книги, который позволяет показать, как в конце XVI в. складывается картина в тех косвенных падежах мужского и женского рода (средний род не представлен), которые сохранили именные флексии после XIV в., т. е. в Р., Д. и М. пп. муж. и жен. р.²

В **мужском** роде есть только именные флексии: **Р.п.** *де^ази заняла ув а^амета дмитриева с(ы)на жо^атухина* К1-23, *с на^амѣстнѣча доклада* К4-195 об. **Д.п.** *михаилу ста^акову с(ы)ну* К1-29 об., *по федорову веле^аю* К4-107. **М.п.** *в ч(е)л(о)в(ѣ)ки в ма^афѣики якушеве с(ы)не горчаки* К4-195 об. (форма М.п. единственная, а форм Р. и Д. пп. много, но они интереса не представляют, поэтому приведено только по два примера).

В **женском** роде картина не столь однозначна.

В **Р.п.** имеются лишь именные флексии *-ы* и *-ѣ/-е* (вариативность *-ы/-ѣ* обусловлена двумя типами падежного синкретизма в именном склонении новгородского диалекта XVI в., см. [Галинская 1991: 32]; вариативность *ѣ/е* орфографическая): *и у кабалы руки послуховы нѣ^а* К1-73 об., *и дмѣтриевы руки нѣтѣ* К1-99, *у у^аяны михайловы жены трусова* К4-35 об., 36, *да степановы дочерѣ (ѣ исправлен из и) о^адо^аки <...> у ни^а в холо^астве двѣ дочери* К1-125 об., *у гордѣевы жены зено^аевы дочери* К4-38 об., *в ма^арино ивановы жены <...> мѣсто* К4-59 об., *в сестры своеи оленино мѣсто яко^алевы жены кобылина* К4-171, *у ма^ари у ивановѣ дочери новокце-нова* К1-100 об., *з боркове улицы* К1-132 об., 133.

В Д.п. и М.п. обнаруживается сосуществование именных и местоименных окончаний.

В **Д.п.** именное окончание *-ѣ(е)* и местоименное окончание *-ои* представлены примерно в равных небольших количествах: *сестре своеи ану^аи петрове дочери* К4-30 об., *по е^а иванове данои* К4-149, *жены е^а дружининои о^адо^аицы на ма^афея и на е^а жену на мала^аю дѣла не дѣлати никакова* ‘Дружининой жене Овдотьице не следует предъявлять претензии к Матфею и его жене Маланье’ К1-62. В то же время в **М.п.** именные окончания *-ѣ(е)* и *-ы* встречаются регулярно в больших количествах (например: *жена^а <...> на дени^аеве дочери* К4-110, *жена^а <...> на неждане на мишуковы дочери* К4-123), а местоименное окончание *-ои* отмечено только два раза: *женитца* (инф.) <...> *на о^адо^аице на андрѣвовой дочери* К1-62, *жена^а*

² Т.п. ед.ч. жен. р. не рассматривается, поскольку там именные и местоименные формы всех прилагательных исконно совпадали (например, **новою**).

был ... на *ога^фице на каба^нной на дмитриево^н дочери* К4-41 об. Таким образом, в Д. и М. пп. присутствовала вариативность именных и местоименных флексий, и можно констатировать, что в М.п. местоименная флексия еще не была частотной.

6. Из посессивных конструкций в древнерусском и старорусском языке наиболее частотными были две: с двумя притяжательными прилагательными типа *княжь Федоровъ намѣстникъ* ('наместник князя Федора') и с родительным принадлежностью и притяжательным прилагательным типа *Ивановъ крестьянинъ Климова* ('крестьянин Ивана Климова'). Обе эти конструкции, часто в еще более осложненном виде, например с относительным прилагательным, образованным от имени, широко представлены в «Записной книге». Значительная вариативность здесь наблюдается при упоминании принадлежности князю, называемому по имени или по имени и фамилии.

а) В редких случаях используется Р.п. слова «князь», например: *князъ василе^н кн(я)зя ивано^в с(ы)нъ мышецко^и* К1-16 об., *князъ миха^нло кн(я)зя тимо^фивъ с(ы)нъ мышецко^н* К1-92.

б) Столь же редко встречается несклоняемая форма князь: *кн(я)зь ива^н кн(я)зь офона^се^в с(ы)нъ мецкерско^г* К4-157, *да^н <...> за племя^ннѣцю за своею за ро^нною за та^няною за кня^з ивановою дочерю кня^ж дми^риева с(ы)на мешерсково* К4-107. Можно полагать, что эта форма была усеченной и застывшей, такое известно в современной разговорной речи с именами при отчествах: у *Михал Ивановича*, к *Василь Петровичу* и т. д. Доказательством того, что так и было, служат случаи, где форма князь написана вместо Р.п. князя вне притяжательных конструкций: *о^г великого кн(я)зь ивана васи^невича* К4-11, *кн(я)з ивана де^нги дошли* К4-124, *за печатю намѣстника и воеводы кня^з семена а^рдасовича черкасско^г* К4-117 об., *по з(о)с(у)дар(е)ве ц(а)ря и великого кн(я)з ивана васи^невича всеа русии грамоте* К4-117 об., *о^г кн(я)з миха^нла федорови^на* К4-118, *о^г кн(я)з семена романовича* К4-119.

в) Один раз отмечено притяжательное прилагательное «княжий»: *писано та^нга кня^жя вере^нсково* К4-208 (это именно форма княжья, так как в скорописи при вынесении над строкой буквы согласного перед буквой гласного опускается обозначение йота).

г) Частотно употребление притяжательного прилагательного «княжь»³, например: *княз михаило кня^ж ивано^в с(ы)нъ мецкерско^г* К4-19 об. При этом определяемое имя может быть не мужского рода и стоять не только в И.п., но и в косвенных падежах, ср.: *кня^ж васи^нева жена никитина с(ы)на белосел^тко^г* К1-2 об., *у кн(я)зя михаила у кня^ж тимофьева с(ы)на мышецко^г* К1-16 об., *кня^ж тимофиеву с(ы)ну* К1- 82 об. Таким образом, форма княжь не в И.п. ед.ч. муж.р. также была усеченной и застывшей.

д) Столь же часто употребляется еще одна застывшая форма — княже, причем определяемое имя также может быть мужского или женского рода и стоять в любом падеже: *степан^н кн(я)же ивано^в с(ы)нъ елецко^г* 18 об., *кн(я)же о^ндрѣева жена*

³ Возможно, что это прилагательное, образованное по праславянской модели с суффиксом *j, было еще живым, поскольку есть и другие аналогичные случаи: *митрополи^н дья^к* К4-123, *митрополи^н дья^к* К4-148, *с намѣстнѣча доклада* К4-195.

К4-187, де^изи заняли у кн(я)же дмитрие^вско^и княини кропо^ткина К1-17, кн(я)зю ивану кн(я)же иванову с(ы)ну елецко^т К1-45.

е) И, наконец, видимо, в результате контаминации между Р.п. князя и притяжательным княже появляется застывшая форма князе: кн(я)зь егу^б да кн(я)зь рома^и кн(я)зе ондрѣвы дѣти мышш^икие К1-89, жена^т на ма^реце на кн(я)зе иванове прида^и нои К1-86, на е^т кн(я)зе данилово имя К1-80, Федо^р кн(я)зе ма^тфѣе^в с(ы)нъ меще^р ского К4-148.

Итак, в притяжательных конструкциях наблюдается вариативность форм князя, князь, княжиш, княжь, княже и князе, причем они могут варьироваться в одной фразе: у кабалы руки кня^ж федора да кн(я)зя васи^я мышш^ицкихъ К1-118. Можно предположить, что в последних двух случаях княже и князе становились своего рода первыми частями сложных слов с соединительным гласным.

7. В современных севернорусских и западных среднерусских говорах распространены конструкции «И.п. имени + некоординируемая форма краткого страдательного причастия» типа курочка унесено, см. [Кузьмина, Немченко 1971: 29–36 и карта № 1]. В записной книге встречены такие конструкции наряду с конструкциями с координируемым причастием. Приведем некоторые примеры.

а) Причастие не координировано: и у ни^х прижыто в холоп^тве с(ы)нъ нечаико да до^и матрушка К1-53, на кабалѣ по^рписано рука губново стросты К4-169, на заде данои написано рука ждана ты^ркова К1-39//39 об., на печати рѣзано пр(е)ч(и)тая на пр(е)т(о)ле со младенцо^м К4-96 об., печа^т печатано К4-118 об., печа^т писано К4-147, печа^т черчено К4-207 об., печати писано 230 об.

б) Причастие координировано: кабала писана К1-115 об., печа^т писана К4-22, 66 об., 119, у по^нны^х печа^т ув обио^х писана К4-212 об., послуси писаны К4-119, 138, прикащики <...> писаны К4-122 об., ... которые писаны К4-47 об.

При этом бывает, что две разнотипные конструкции стоят рядом: писано та^мга кня^жя вере^нсково да тутто * писана птица К4-208.

Интересно заметить, что если в конструкцию вклинивается деепричастие, то причастие координировано всегда: и тѣ kirjo^ти записа^в о^тданы са^нтанаку да роману кушелевымъ К1-5 об., и та по^нная кабала записа^в о^тдана са^мсону з бра^тею К1-7 об.//8, и та даная и кабала записа^в о^тдана богдану зеленину К4-223 (подобные случаи весьма многочисленны).

Таким образом, мы видим, во-первых, что конструкции с некоординируемым причастием, характерные сейчас для новгородских говоров, были достаточно распространены уже в XVI в. (в новгородских берестяных грамотах отмечены лишь единичные примеры — такие, как ж радатѣ не възѣто полѣ третѣ гривнѣ № 799, XII в., куплено по полу гривни рожѣ а пшеница по сороку бес кѹни № 775, XIII в.), а во-вторых, что они еще сосуществовали с конструкциями, в которых причастие координировано.

Итак, в целом ряде звеньев грамматической системы новгородского диалекта конца XVI в. шли процессы перехода от одного состояния к другому, что и обусловило наличие вариантных форм и конструкций.

Источники

ДАРЯ II — Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. II. Морфология. М., 1989.

Литература

Алпатова Е. А. Формы родительного-дательного-местного падежей единственного числа существительных с исторической основой на *-а в памятниках псковской письменности XIV–XVII веков. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XVI–XVII вв. М., 1975.

Галинская Е. А. К истории синкретичных именных форм в русских северо-западных говорах // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1991. № 5. С. 28–36.

Галинская Е. А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.

Жолобов О. Ф. Числительные / Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV. М., 2006.

Зализняк А. А. Правило отпадения конечных гласных в русском языке // Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 550–558.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Кузнецов А. М., Иорданиди С. И., Крысько В. Б. Прилагательные / Историческая грамматика древнерусского языка. Т. III. М., 2006.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.

Elena A. Galinskaya

Moscow State Lomonosov University

(Moscow, Russia)

eagalinsk@mail.ru

GRAMMATICAL VARIATION IN THE LANGUAGE OF LATE 16TH CENTURY NOVGOROD BUSINESS WRITING

The article describes cases of morphological and syntactic variability as reflected in the *Book of Old and New Serfdoms in Novgorod Presented to the Clerk Dmitry Alyabyev of 1597–1598* (RGADA, Fund 1144, Register 1, No. 1 and 4). It should be noted that only those phenomena which were outside the norms of the business language are considered. The *Book of Old and New Serfdoms* effortlessly reflects the phonetic features of the Novgorod dialect of the late 16th century; spellings reliably reflect grammatical features. The cases of variation are as follows:

1. In the Instr. Sg. Fem., the endings *-oju/-eju* and *-oj / -ej* coexisted, albeit with considerable dominance of *-oju / -eju*.

2. In the Loc. of the numeral *triye*, the original form *trekh* varied with an unusual form *trej* which came from Gen.

3. The construction “two / three / four / one and a half, etc. + form on *-y/-i*” coexisted with the construction “two / three / four / one and a half, etc. + form on *-a*” with predominance of the former.

4. Variability of the ancient type of quantitative constructions (numeral in Nom. / Acc. and the noun + coordinated words in the feminine form) and sporadic use of a new type (words coordinated in the plural) were observed.

5. Nominal and pronoun inflexions in the Dat. and Loc. Fem. of possessive adjectives coexisted.

6. In the possessive constructions there was variability amongst the forms *knyazya*, *knyaz'*, *knyazhii*, *knyazh'*, *knyazhe*, *knyaze*.

7. Uncoordinated forms of short participles coexisted with coordinated forms.

This variance of forms and structures was caused by processes of transition between states in the grammatical system of the Novgorod dialect of the late 16th century.

Keywords: Novgorod dialect of the late 16th century, historical morphology of Russian, historical syntax of Russian, grammatical variation.

References

Alpatova E. A. *Formy roditel'nogo-datel'nogo-mestnogo padezhey yedinstvennogo chisla sushchestvitel'nykh s istoricheskoy osnovoy na *-a v pamyatnikakh pskovskoy pis'mennosti XIV–XVII vekov*. Thesis (Moscow State Lomonosov University). Moscow, 2005.

Galinskaya E. A. K istorii sinkretichnykh imennykh form v russkikh severo-zapadnykh govorakh. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 1991. № 5. S. 28–36.

Galinskaya E. A. *Istoricheskaya fonetika russkikh dialektov v lingvogeograficheskom aspekte*. Moscow, 2002.

Kuz'mina I. B., Nemchenko E. V. *Sintaksis prichastnykh form v russkikh govorakh*. Moscow, 1971.

Kuznetsov A. M., Iordanidi S. I., Krys'ko V. B. *Prilagatel'nyye (Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka. Vol. III)*. Moscow, 2006.

Veselovskiy S. B. *D'yaki i pod'yachiye XVI–XVII vv.* Moscow, 1975.

Zaliznyak A. A. *Pravilo otpadeniya konechnykh glasnykh v russkom yazyke*. In: Zaliznyak A. A. «*Russkoye imennoye slovoizmeneniye*» s prilozheniyem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu. Moscow, 2002. P. 550–558.

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskiy dialekt*. Moscow, 2004.

Zholobov O. F. *Chislitel'nyye (Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka. Vol. IV)*. Moscow, 2006.